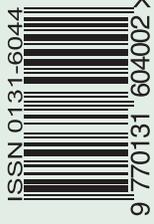

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

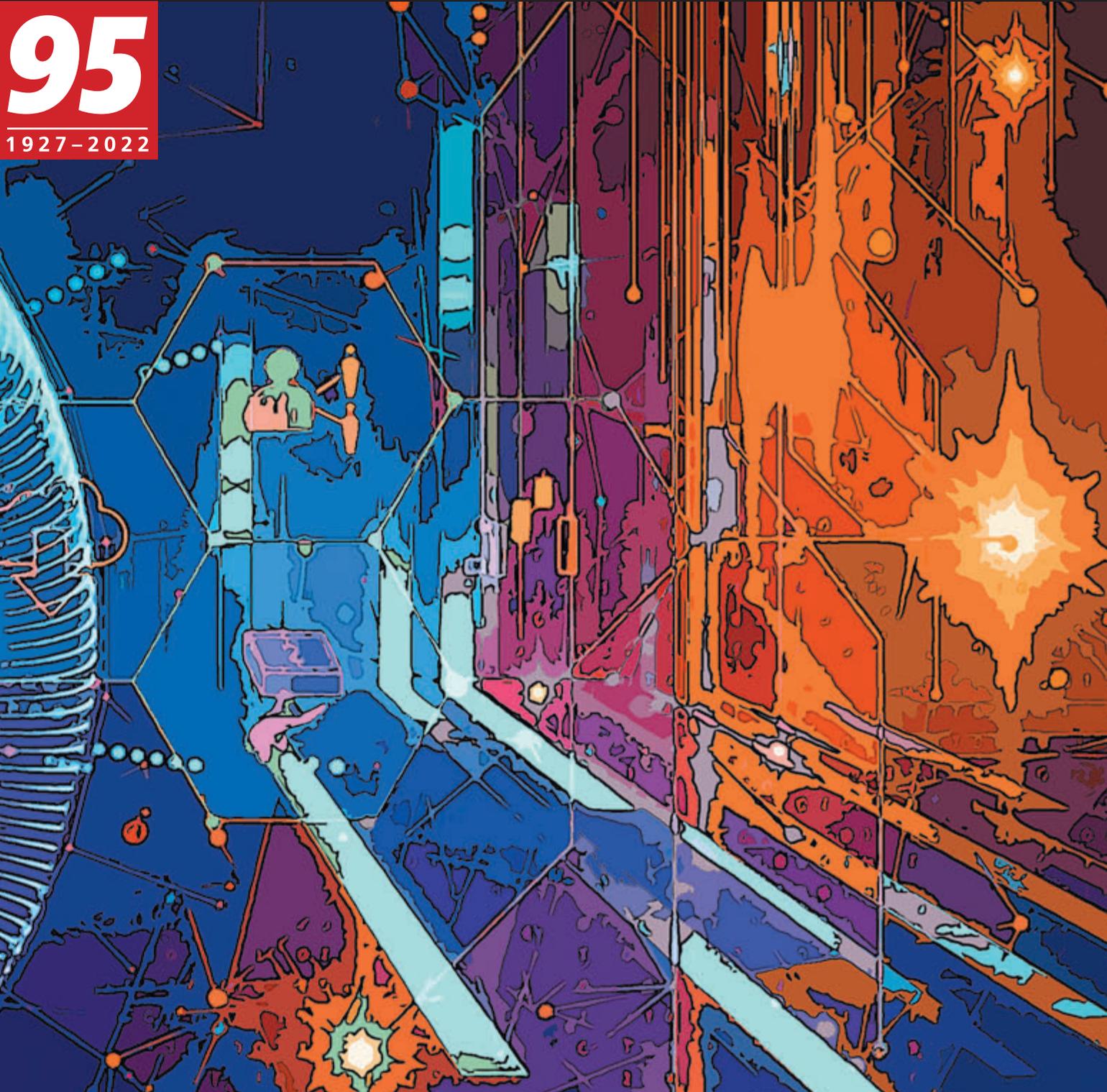

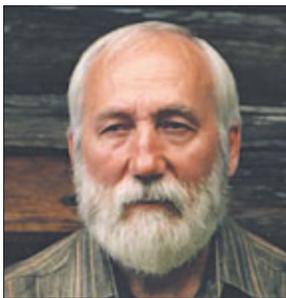
РОМАН ГАЗЕТА

2022 №17

Современная проза

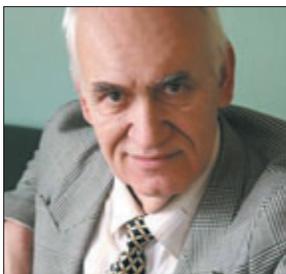
95
1927-2022

ЩЕРБАКОВ Сергей Антонович

Российский православный писатель, лауреат премии им. А. Платонова «Умное сердце», лауреат премии им. Е. Носова. Родился в 1951 году в Забайкальском селе Мухоршибирь, которое основал его предок по материнской линии. В 1981 году закончил факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Будущий прозаик служил на корабле на Камчатке. После демобилизации строил Вилюйскую ГЭС. Писать начал в стенах Московского университета. Автор многих книг прозы и публицистики.

ЛУКОНИН Сергей Михайлович

Родился в 1942 году в Москве. Окончил МГПИ им. Ленина. Автор книг и сборников для детей, составитель книг своего отца — поэта Михаила Луконина. Член творческих Союзов России журналистов, писателей, художников. Много лет работал в центральной печати: «Комсомольская правда», издательство «Молодая гвардия», «Литературная газета». Автор романа «Переворот» (2017) и сборника прозы «Когда-нибудь да вернется» (2022). Живет в Москве.

«Роман-газета»: юбилейный год

В Союзе писателей России торжественно отметили 95-летие старейшего литературно-художественного журнала страны «Роман-газета». Председатель Союза писателей России Николай Иванов наградил редакцию журнала памятным знаменем «СП России-«Роман-газета», отметив выдающуюся роль журнала в современной российской словесности. Выступившие на вечере авторы журнала, представители литературной общественности, депутаты Государственной Думы и Совета Федерации, редакторы литературных газет и изданий тепло поздравили журнал с юбилеем, пожелали редакции и впредь быть на

острие литературного процесса, открывать новые имена, знакомить читателей с новыми талантливыми и яркими произведениями. «Наш журнал был и остаётся флагманом современной российской литературы, — сказал главный редактор издания писатель Юрий Козлов, — все сколько-нибудь значащие произведения авторов советских лет и нашего времени были опубликованы на его страницах. «Роман-газета» — это поистине народный журнал, пропагандирующий традиционные духовные ценности нашего Отечества. Такие журналы нужны читателям. Мы верим в своё будущее!»

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2022
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2022 №17 /1910/ Основана в 1927 г.

Современная проза

Сергей Щербаков

СОБРАТ ПО БЛАЖЕНСТВУ

Впервые за тридцать лет собрались с женой на курорт. Я бы и на этот раз не поехал — какие курорты, если мы живем в ярославской деревеньке Старово-Смолино в трех верстах от Борисоглебского монастыря, основанного по молитвам преподобного Сергия Радонежского. Какие курорты, если возле крыльца нашего дома растут солнцеликие одуванчики! Какие курорты, если возле калитки встречает наших гостей дуб многосеннолиственный! Какие курорты, если к нашей кормушке на дубе одиннадцать видов птиц прилетает! ...красногрудые снегири и даже дубоносы... И еще множество раз я мог бы воскликнуть «какие курорты», но... жена в прошлом году чуть не получила инсульт — она в Москве работает, — и я сдался. Да, честно сказать, и сам почувствовал: годы берут свое и надо уже и к медицине прибегнуть. Конечно, медицина — не воздух деревенский, не звезды над дубом, но и она от Бога. Да и курорт Мариша моя, зная, как я не люблю далеко отрываться от дома и всем это втолковываю, даже кошкам и собакам, выбрала близенько: в Ивановской области. Сели на машину — и через три часа вот оно, Оболсуново.

Врачи сразу взяли нас в оборот: кучу процедур, исследований назначили. Пришлось даже на листках дни расписывать, чтобы все успеть и ничего не забыть. Но уже на другое утро вызывает меня терапевт Ольга Михайловна и, как-то странно глядя, говорит: «Сергей Антонович, у вас гемоглобин шестьдесят девять единиц». Я безмятежно: «Ну, и что?» Она даже выпрямилась: «Как что! Норма у мужчин сто сорок — сто шестьдесят. У вас на грани переливания крови. Вы можете упасть прямо на улице! Вам место на больничной койке, а не у нас». Расспросила меня и сразу поняла, почему гемоглобин упал: кровотечение, на которое я не обращал никакого внимания много лет. Да и как обычно у нас, у русских, бывает: сначала, увидав кровь, встревожился, обратился к врачам. Они толком не помогли — и привык, и перестал замечать.

Конечно, Ольга Михайловна опечалила. Я растерянно произнес: «Впервые за всю жизнь вместе на курорте, а тут какая-то больница... Жене просто необходимо здоровье поправить, а одна она не останется...» И мудрейшая Ольга Михайловна сжалилась: «Ладно, кровотечение мы вам на время остановим, назначим мясную ди-

ету. В общем, посмотрим на ваше самочувствие. Если что — сразу с вещами на выход».

Маришу я не стал пугать, просто сообщил, что гемоглобин пониженный и придется мне подналечь на мясо.

* * *

Оболсуново расположено на горе. Еловые и сосновые боры. Идешь по тропинке, вдруг перед глазами янтарная чешуя корабельной сосны. Поднимаешь, поднимаешь голову — была бы шапка, слетела бы. Из груди невольно вырывается восторженное: «Ну, сосны! Ну, сосны!» Янтарные свечи выше пятиэтажного корпуса оболсуновского. Конечно, воздух просто пьянящий. Нигде такого нет. Разве что в подмосковной Малеевке — там тоже сплошь еловые боры... Садовники косят траву. Улавливаю знакомые запахи. В молодости я служил на корабле и тут вдруг почувствовал — свежескошенная трава немножко пахнет морем. Мариша очень точно добавляет: «И ложится она волнами».

Люди вокруг тихие, культурные, женский персонал курорта как на подбор: все красивые, заботливые. Так нам стало хорошо, что я даже попытался играть в настольный теннис. Но, увы, гемоглобин, оказывается, вещь для организма архиважная — попасть по шариком было нелегко. А когда-то меня прочили в большие мастера... И еще гемоглобин сильно влияет на память, но так мне было хорошо, что я все запомнил. Особенно вежливость соседей за столом. На курорте, как я заметил, почти все почему-то демонстрируют свою воспитанность, культурность. Даже как бы соревнуются в этом. Ну и слава богу, везде бы так. Даже кошки и собаки, поселившиеся около дверей корпуса, тоже «соревнуются» — за еду не дерутся...

За столом с Маришей сидели две молодые женщины лет сорока. Одна оказалась «белым бантиком» — либералкой, а другая — Таня — горячей патриоткой. Таня торопилась все успеть. И в баню, и на танцы... А торопиться нигде не надо — даже на войне... Я пару раз подкалывал ее при встрече: «А Таня уже на велосипеде... А Таня уже в бассейне...» Она в ответ только улыбалась. Вечером, в день ее отъезда, идем на прогулку, а Таня стоит возле администраторской. Впервые увидел на ее лице грусть, и жалко стало: «А мы думали, Таня уже уехала». Она печально: «Машина задержалась». Тут ее соседка по номеру проходит мимо. Я к той: одна остаетесь? Таня скромно: «Другую вселят». Я возразил: «Но Таню-то уже не вселят...» Она благодарно глянула на меня: «Счастливого вам оставаться».

Ревнивая моя жена удивилась, с чего это я вдруг заговорил с Таней? Пришлось объяснить, что я ее просто пожалел, что молодые люди ее типа, сами того не сознавая, на новом месте надеются обрести то,

чего им не хватает. И не обретают, потому что не знают, что им нужно. А Таня через мои ласковые слова: «но Таню-то уже не вселят», может, и обрела наконец. Душа-то ищет любви и ласки. Особенно у нынешней деловой молодежи. Любви и ласки им не хватает, но они этого не понимают. А Таня, думаю, поняла: так она благодарно глянула на меня...

* * *

После Оболсунова поехали в столицу заниматься лечением по-серьезному. Конечно, в Москве нынче жить тяжело. Сразу состояние мое резко ухудшилось. Шатало из стороны в сторону, вновь кровотечение открылось. Пошел я в нашу православную богадельню, поликлинику-больницу имени Святителя Алексия, где подвизается легендарная Нина Григорьевна. Когда кого-нибудь из многочисленных больных, которым она помогла улечься в стационар, пройти нужное обследование, спрашивают, кем она работает, они сначала теряются — она не заведующая, не главврач, — но потом многие с улыбкой отвечают: «Ниной Григорьевной». Да, такого сердобольного, заботливого человека поискать! Она всего лишь сестра-администратор, но через свое любящее сердце обрела в клинике Святителя Алексия такое влияние, что к ней все прислушиваются... Вот и я по совету старожилков богадельни направился к Нине Григорьевне. Терапевт, понимая, что остановить мое кровотечение можно только хирургически, не знала, что со мной делать — в клинике такие операции не практикуют. Но Нина Григорьевна решительно настояла на немедленной госпитализации. Позднее я понял, медицински была права терапевт, но Нина Григорьевна, душа христианская, почувствовала, что мне надо сначала пройти свой путь у них...

На другой день Мариша с моим младшим братом Валерой привезли меня в клинику. От слабости я чуть не падал. В приемном покое сумрачно, старая женщина по нескольку раз переспрашивала одно и то же, осматривали как-то очень долго, и на душе стало мрачнее, чем вокруг. Так мне не хотелось оставаться, что я чуть не сказал Марише: «Поехали домой — не хочу в больнице умирать». Но, пожалев жену, промолчал: ей-то как тогда жить... Мне казалось, что домой я уже не вернусь. Гемоглобина шестьдесят пять, кровь остановить не могут. Я безразлично думал: книги свои написал, радости-счастья вкусил немерено, так что пора и честь знать...

Мариша с братом уехали — сумерки совсем сгустились. Обреченно оглядел палату. Три пустых казенных кровати, на которые не хочется даже садиться, не то что лежать на них много дней. На двух — большие, даже не шевельнувшиеся при нашем появлении. Один старик лицом к стене, второй чуть не с головой укрылся одеялом. Но его я сразу узнал. Этого монаха несколько раз встречал недалеко от наше-

го дома. Однажды даже кивнул ему. С первого раза он заинтересовал меня. Очень захотелось узнать, кто это такой. Сейчас по улицам Москвы ходит много православных людей духовного звания. Обычно глянешь — и всё; ну, иногда, проходя очень близко, поклонись — уважая священный сан. А с этим монахом хотелось познакомиться. Спросил Маришу, что бы это значило — у нее очень быстрый ум, — но на сей раз и она не помогла мне.

И вот вижу его в палате... Даже на сердце немножко посветлело — я уже знаю, случайного ничего нет, все промыслительно. Однако на мое осторожное приветствие монах никак не откликнулся, и я обреченно лег на свою койку, не зная, когда теперь встану с нее и встану ли вообще... Единственное, что как-то обнадежило — окна в палате большие, просторные и неба много видно. Больше всего в жизни люблю глядеть на небо. Но тут и небо не помогло. Глядел, глядел и увидел высоко-высоко в поднебесье ястреба и вдруг почувствовал себя упавшим на землю орлом. В «Песенке вагантов» я писал, что на большой высоте крыльями взмахивать уже не надо; надо парить и ловить потоки восходящего воздуха. Я всегда чувствовал, что летаю там, где орлы парят... А тут всем своим бессилием ощутил: лежу не просто на земле, а на больничном одре, и крылья мои поникли... Первые двое суток я, как мой знакомый монах, лежал, укрывшись одеялом чуть не с головой, ничего не ел и даже в окно не глядел — боялся снова увидеть ястреба. Потом пришла на смену бойкая, разбитая разносчица еды, судя по выговору и характеру — хохлушка. Их нынче много в России работает. Войдя в палату, она весело воскликнула: «Мужики, ну-ка давайте кто-нибудь помогать». А кто помогать? Сергей Иванович, восьмидесятилетний старик после инсульта — половина тела неживая, да семидесятишестилетний отец Иоанн с целым букетом болезней. Все это я узнал после, а тогда глянул на их застывшие под одеялами тела и понял: придется мне подняться. В обед я уже без приглашения помогал ей. И соседям своим немощным взялся всячески прислуживать... Помните, апостол Петр пошел ко Христу по воде, как по суше, но — только вспомнил о себе — сразу начал тонуть. А я, начав помогать другим, забыл о себе и поднялся. Почувствовал: крылья мои начали крепнуть. Сразу сообразил: монах-то мой уже двое суток голодный, да до меня неизвестно сколько голодал. Конечно, инокам поститься не привыкать, но все же и они люди, а не ангелы... Привезла веселая хохлушка еду, я и схитрил: «Отче, может вы прочитаете нам молитву перед трапезой, а то мне при вас как-то неудобно старшим быть». Он молча встал. На груди у него оказались два больших креста-мошевика. Потом расскажет, что участвовал в обретении мощей многих святых, в том числе всех оптинских старцев!..

Прочитал он молитвы, а я и говорю: «А мы ведь с вами встречались». Рассказал и подытожил: «Теперь ясно, почему вы меня так заинтересовали — лежим в одной палате...» Отец Иоанн с интересом поглядел на меня, и я уговорил его поесть. Вечером предложил ему молитвенное правило вместе прочитать. По завершении оно же он сам достал из своей старой-престарой сумки на колесах акафисты. Мы и за них принялись. Сергей Иванович наш тоже перестал глядеть в стену — лег на спину и с видимым удовольствием участвовал в наших молениях. Потом я вытянул отца Иоанна на службу в храм. Благо их аж два при клинике. Четыре раза я за две недели исповедовался и причастился! Никогда так часто не причащался!

После процедур начали мы с отцом Иоанном гулять по больничному парку. Он в Святителя Алексия старожил — все ему здесь знакомо. Показывает костылем на большой пенек: «Однажды он поразил меня. Первый снег на нем, а поверх белого снега желтые-желтые грибы. Красота неопишная». Голуби взлетают при нашем приближении. Мой спутник восхищенно: «Голуби аплодируют Создателю». Не сказал, что они громко хлопают крыльями, а «голуби аплодируют Создателю». Невольно вспомнился Давид-псалмопевец: «Солнце позна запад свой». Не сказал «знает время захода своего», а именно «знает запад свой»... Величайший поэт всех времен и народов. И сын его царь Соломон, вопреки суждению, что на детях природа отдыхает, не отстал от отца: «Все реки текут в море, но море не переполняется...»

Отец Иоанн снова показывает костылем на какую-то дверь: «Столярная мастерская. Зашел я туда, а там клетка мне по грудь, а в ней — петух. Я просунул к нему руку, давай гладить. А мужик столяр: «Летом его — на дачу, а там — в суп». Петух сразу так прижался к моей руке. Я ему: «Что же ты при нем это сказал?!» Он лучше этого мужика понял, что его ожидает». Однажды в Армении отец Иоанн, тогда еще Олег Владимирович Макаров, корреспондент Агентства печати «Новости» (АПН), стоял на скале с фотоаппаратом — «ждал состояния света». Вдруг из древнего монастыря внизу вывели барана и закололи. Алая кровь хлынула на кафель. Смыли ее и другого барана привели и закололи. И третьего... Слышно было, как головы со стуком падали в бочку. Так двадцать баранов на его глазах закололи. Двадцать раз смывали кровь, двадцать раз головы со стуком падали в бочку! «Ждал состояния света», а на его глазах убили двадцать божьих тварей! И он видел, что бараны, как тот петух, «лучше людей понимали, что их ожидает — крутили головами, пытались вырваться». С тех пор, задолго до монашеского пострига, перестал есть мясо...

В парке к нам не раз подходили неверующие, спрашивали: «Вы — братья?» Мне это было очень

приятно, а отец Иоанн однажды ответил: «Мы — собратья по блаженству». Мол, мы — православные болящие... Потому и похожи...

Конечно, мы с ним одной крови: он тоже любит собак больше всех животных. О своей собаке рассказывает с нежностью: «Всех Дуся любила. Вот такое маленькое существо на весь мир себя делила. Пришел как-то с ней в газету, я тогда еще работал фотокором в «Ленинградской правде», вся редакция весь день ходила кверху полами». Не сказал, что все, наклоняясь, гладили маленькую Дусю, что все в этот день забыли о работе, а нарисовал яркую картинку. «Вечером возвращался с работы поздно, — продолжает рассказ отец Иоанн. — Открою дверь, она бегом с четвертого этажа. Капельки на каждой ступеньке оставляла. Потом во дворе радостный ребячий крик: «Дуся, Дуся...» Но она сначала на всех ноль внимания — присядет как лягушка». Очень точно. И опять же художественно...

На глазах отца Иоанна, тогда еще Олега Владимировича, Дусю задавил автобус. Он взял на руки кровавую лепешку — все, что от нее осталось, — положил на тротуар, упал на колени и стал колотить кулаками об асфальт. Тут как тут милиционер: «Меньше пить надо». Отец Иоанн поднял на него свои многострадальные армянские глаза, переполненные слезами: «Я только таблетки пью». Милиционер постоял, постоял и ушел. Вернулся с лопатой, выкопал могилу, и они похоронили Дусю «между четвертой и пятой липами возле храма Христа Спасителя». Думаю, больше ни одна собака здесь не покоится... А мой песик Малыш лежит между двумя старыми яблонями неподалеку от Борисоглебского монастыря...

* * *

Вечерами, после молитвенного правила, отец Иоанн садился возле моей кровати и рассказывал. Конечно, он сразу понял, в чем промысел нашей встречи: чтобы жизнь его богатейшая не осталась под спудом. Счастливейший человек — куда бы ни попадал, всегда уносил оттуда главное. И в этом мы с ним очень похожи; и я, когда мне встречался умный, талантливый человек, «истирал порог его дома своими подошвами». Родитель отца Иоанна — армянин; он его никогда не видел, но на своей второй Родине всегда хотел побывать. Первой Родиной считает Россию, хотя мать у него наполовину русская, наполовину татарка, а один из дедов итальянец. Отец Иоанн пересыпает свою речь армянскими, татарскими, итальянскими словами. Однажды что-то сказал даже по-узбекски. Я рассмеялся: «У тебя и узбекская кровь есть?» Он сначала недоуменно поглядел на меня, потом рассказал: «В войну мы в Самарканде жили. Голодно было. Однажды вез я буханку хлеба и не выдержал — стал отщипывать корочку. Всю от-

щипал. Думаю, как же я с такой общипанной домой явлюсь? Но, пока добрался, новая корочка от жары появилась». Нет, не от жары корочка появилась — грех его сам Бог покрыл. Какая вина у пятилетнего мальчика, в войну общипавшего от голода корочку... Но и Узбекистан отец Иоанн поблагодарил — там даже жара людям помогает...

Став взрослым, наконец попал в Армению. Его, уже фотокорреспондента АПН, послали снимать знаменитую Ереванскую обсерваторию, которую возглавлял известный академик Амбарцумян. Нет, не случайно Бог нас свел. Я, оказавшись на новом месте с новыми людьми, даже в вагоне поезда, непременно сообщаю, что я писатель, и даю читать свои рассказы; а отец Иоанн всюду возит с собой свои лучшие фотографии и первым делом устраивает новым знакомым выставку. Раскладывает прямо на полу, на подоконнике... Вот и в обсерватории он в первый же день разложил снимки перед принимавшей его сотрудницей. Она была восхищена и рассказала о творчестве приезжего фотокора своим друзьям, армянским художникам Зардарянам. Они пригласили его в гости с фотографиями. И сразу полюбили на всю жизнь. В следующие его приезды всех оповещали: «Наш Олег приехал». А он и сегодня вспоминает их добрым словом.

У Зардарянов есть внук Арег. Конечно, все его звали Арег-джан. Джан по-армянски «милый». С Олегом он так подружился, что однажды в порыве чувств попросил его: «Олег-джан, давай ты меня будешь звать Олегом-джаном, а я тебя — Арегом-джаном». Как-то во время игры мальчик схватил Олега за волосы и вдруг как закричит: «Мама, шелк, мама, шелк...» Отец Иоанн поясняет: «У них-то волосы скрипят, когда дотронешься, пружинят». У Арега был один недостаток, от которого страдали все домочадцы, но ничего не могли с ним поделать — он очень громко кричал. Олег-джан, узнав об этом, спросил своего маленького друга: «Арег-джан, ты умеешь кричать молча?» Тот удивленно воззрился на него: «Как это?» Старший друг открыл пошире рот, поднял кулаки над головой и затряс ими изо всех сил. Арег-джан был в восторге и потом долго всем показывал, как можно кричать молча. В доме стало тише...

Я спрашиваю: «А кем стал Арег-джан?» Отец Иоанн задумывается: «Не знаю... Во Франции он». Вдруг хитро улыбается: «Значит, французом стал». Тут же посерьезнел: «Он деду из Франции большой набор столярных инструментов привез и сам оборудовал стеллажи в его мастерской...» Я обрадованно соглашаюсь, мол, конечно, не французом, а хорошим человеком стал Арег-джан. Через тридцать лет навестил в Москве своего друга Олега-джана, одинокого старика монаха... Отец Иоанн восторженно поднимает руку намного выше своей головы: «Вот

такой стал». И я вижу, каким большим человеком стал Арег-джан...

После рассказа об Арег-джане я стал называть моего собрата по блаженству отцом Иоанном-джаном. Он же меня Серженькой. Немножко на армянский лад. Ко всему армянскому относится с благоговением. Любимая гора у него, естественно, Арарат. Он и мне внушил, что это — главная гора человечества. До меня наконец-то дошло, что праотец всех людей Ной после Всемирного потопа, истребившего погрязшее во грехах человечество, высадился из своего ковчега именно на горе Арарат, что армяне — самые прямые потомки Ноя... Таких снимков Арарата, как у отца Иоанна, я ни у кого не видал. Один он подарил мне. В центре — вечно заснеженный Арарат. Над ним, словно золотой нимб над святой главой, широкая полоса солнечного света. Еще выше — синее небо — твердь Небесная. Ничего нет тверже вечного Неба. У подножия горы — узкая розовая полоска тумана. Под ней — словно синяя река, оставшаяся после Всемирного потопа. В самом-самом низу — земля, обьятая тьмой. Ее тщится разорвать тоненькая вереница слабеньких огоньков, похожих на библейские костры, загоревшиеся сами собой и потому полные ужаса. Это огоньки людских поселений — дороги человеческой. Так они ничтожны перед Араратом в золотом нимбе. И только дерево из этой нашей тьмы человеческой дотягивается верхушкой до его подножия. Дерево растет вверх. И люди, растущие вверх — стремящиеся к Богу, могут вырваться из тьмы земной, могут достичь подножия спасительного Арарата... Снято безо всяких современных ухищрений — без фильтров, монтажей, спецэффектов. Все великое просто. Отец Иоанн забрался на гору, напротив Арарата (как Закхей на дерево, чтобы увидеть Христа), и много дней ждал «состояния света». И дождался. Христос сказал ему: «И ты сын Ноев...»

Любимый поэт — армянин Григор Нарекаци. У отца Иоанна теперь плохая память — забыл Сергея Ивановича, с которым две недели лежал в больнице на соседних койках, а строфы Нарекаци читает наизусть. Художественная память у него осталась великолепной. Правда, такие строки забыть трудно: «И капля девственного молока спадет мне с губ твоих, Пречистая...»

Композитора Комитаса, погибшего во время резни армян в Турции, отец Иоанн вспоминает чуть не каждый день, и, конечно, его портрет висит на стене. Музыка мой собрат обожает. Любит повторять слова блаженного Августина: «Музыка — это разговор с Богом». Однажды его послали снимать известный хор «Виват». Конечно, мой собрат первым делом разложил на полу у стены свои фотоработы. Пригласил артистов посмотреть. Они долго стояли в каком-то восторженном онемении, потом дирижер бегом к роялю — «И как грянули они мне «Многая лета...», у

меня колени затряслись». Стал он бывать у них, и однажды руководитель попросил его спеть. У отца Иоанна оказался бас-контрабас и он объездил с ними полсвета. Часто с гордостью повторяет: «Нашему хору, единственному в стране, разрешалось тогда петь духовную музыку... Мы, когда пели, все от радости на цыпочки становились...»

Во Франции, в Монпелье, после концерта их пригласил на ужин русский эмигрант. Олег, естественно, разложил на полу свою фотовыставку. Соотечественник был потрясен и попросил разрешения пригласить друзей. Привел молодых русских мужчину и женщину. Мужчина вдруг спросил: «Вы не бывали в Матенадаране (Ереванская государственная библиотека)?» Мой собрат сразу вспомнил их встречу и «кинулся к нему прямо по фотографиям». А надо знать, с каким трепетом он к ним относится — уже немощным стариком всюду возит свои лучшие работы в старенькой-старенькой сумке на колесиках. Конечно, не только бережет, но, надеется, вдруг на пути встретится человек, перед которым захочется разложить свои фотографии...

А как было не кинуться, если с этим человеком они вместе занимались в Матенадаране! Именно в Матенадаране отец Иоанн, прочитав «Книгу Скорби» Нарекаци, потрясенный, попросил директора сделать копию. Тот даже удивился: «У тебя нет Нарекаци?!» Приказал сотруднице принести книгу, вручил. Не веря своему счастью, отец Иоанн упал перед ним на колени. Тот поднял его, обнял: «Ты заслужил, ты заслужил...» — он тоже видел напольную фотовыставку Олега Владимировича Макарова...

Недавно, через тридцать лет, встреча в Монпелье приснилась отцу Иоанну, точь-в-точь как случилась. И он снова был счастлив. Я не помню, чтобы мне снилось то, что когда-то произошло, хотя сны у меня бывают изумительные...

Некоторые люди, особенно духовного звания, удивляются, считают каким-то чуть ли не вредным пристрастием отца Иоанна его благоговейное отношение к своему фототворчеству. А как же иначе, если и в монастыре он остался фотографом — снимал монастыри, монахов, обретение мощей — это было его главное послушание; если благодаря своим фотографиям подружился с художниками Зардарянами, которые открыли ему Армению; если благодаря напольной выставке попал в хор «Виват» и полюбил духовную музыку.

Да ведь и к Богу Олег пришел благодаря своему художественному призванию. По заданию АПН снимал Троице-Сергиеву лавру. Вдруг подходит монах: «Виду, вы профессиональный фотограф. Помогите нам Христа ради — мы тут стенды оформляем». Олег очень торопился — недовольно взглянул на неожиданного просителя, но «отказаться ему почему-то не смог». Потом-то понял почему...

Крестили Олега на Воробьевых горах. (Опять же очень близко от моего дома — я с моим песиком Мальшом много лет прогуливался до этого храма почти каждый день.) После крещения, по словам отца Иоанна, он «пошел к небу — на смотровую площадку МГУ». Здесь и в самом деле неба много и Москва как нигде широко глазам открывается. Хотя, конечно, в подтексте отец Иоанн сказал, что пошел к Богу.

Пешком дошагал до своего АПН на Зубовской площади, достал из сейфа флейту (с ней тоже долго не расставался) и сыграл. Уходя, встретил в коридоре одну очень талантливую фотокорреспондентку. Молча взял ее за руку и повел. Она изумилась, но, тоже молча, повиновалась ему. В кабинете снова достал флейту и сыграл ей. Потом, так же молча, опять взял за руку и отвел на то же место, откуда забрал ее... Она не удивилась...

На улице столкнулся с коллегой. Тот обрадовался, начал что-то рассказывать, но отец Иоанн не слушал его. Коллега озабоченно спросил: «Да что с тобой?» Но отец Иоанн только улыбался. Наконец под уличными часами произнес: «Три часа назад я окрестился». Тот матерщинник был ужасный — сразу открыл рот, но тут же закрыл.

Про свое крещение отец Иоанн пересказывал мне не раз и всегда в конце вспоминал: «Передо мной крестили мальчика лет пяти. Когда священник взял его на руки, он спросил: «Я не умру?» Батюшка рассмеялся: «Наоборот, жить будешь».

Слушая отца Иоанна, я неожиданно вспомнил, что именно в коммуналке на Зубовской площади, напротив его АПН, лежа на полу на матрасе, впервые в жизни прочитал Евангелие, которое дал мне собрат по перу Петр Паламарчук (это он сотворил замечательную книгу «Сорок сороков» о московских храмах). После кончины Петра я включил его в свой помянник как самого близкого человека — благодаря ему я впервые прочитал Евангелие! До него несколько раз открывал, но дальше второй страницы пройти не мог. Мне было тогда непонятно, зачем надо перечислять, кто кого родил, что «Давид царь родил Соломона от бывшей за Уриєю»; я тогда еще не знал историю великой и грешной любви царя Давида к чужой жене Вирсавии, что во искупление этой любви Давид кровью выплакал свой покаянный пятидесятилетний псалом «Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушено и смиренно Бог не уничижит». Я тогда еще не знал, что сокрушенные и смиренные сердцем «во дворех Бога нашего процветут». Не знал, что плодом любви Давида и Вирсавии явился в мир царь Соломон — мудрейший из всех, живших на земле. Это он создал «Книгу притчей», «Песнь Песней», «Книгу Екклесиаста». «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует — все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки...»

В коммуналке напротив АПН я прочитал Евангелие за один прилег. Не мог оторваться... Семя было брошено в сердце, хотя взойшло только через девять лет... А с отцом Иоанном пути наши пересеклись через тридцать!..

* * *

В первый же вечер после нашего совместного моления отец Иоанн-джан разложил на своей кровати фотовыставку. Как перед Зардарянами, как перед певцами хора «Виват», как перед соотечественником во Франции... И я тоже сразу полюбил его. А как было не полюбить! Думаю, больше никогда такая великая экспозиция не проводилась на больничной койке! Он доставал из своей сумки на колесах все новые фотографии и рассказывал, рассказывал: «Святослав Рихтер никому не позволял себя снимать. Я — издалека, из зала. Принес снимки в филармонию, поставил на подоконнике, жду. Наконец Рихтер идет. Я к нему: «Святослав Теофилович, я вот тут, посмотрите». Он поглядел, молча сгреб в охапку, прижал к груди и пошел». Я удивился: «Ничего не сказал?» Отец Иоанн красноречиво глянул на меня: «Как же не сказал!» Мне стало стыдно за свою непонятливость: «Ну, да. Ну, да, этим он сказал больше любых слов». Отец Иоанн посветлел: «Жена Рихтера повесила мои фото на самое видное место». Я потом не мог вспомнить отчество великого пианиста, и мой друг изумился: «Как ты мог забыть — ведь он Богович». А мне и в голову не пришло — конечно, Тео — Бог..

Однажды послали его сделать репортаж с праздника хоровой песни в Эстонии. Олег был просто потрясен: «Красота грандиозная... Но эстонцы строгие, высокомерные — никак я сначала не мог найти с ними общий язык. Во время выступления хористки, ухватив друг друга за подолы, ходили вереницами. Я подбежал и тоже схватил одну за подол. Она оглянулась, разулыбалась, потом все оглянулись и засмеялись благосклонно... Их дирижер, знаменитый Густав Эрнесакс, по-русски говорил плохо, но улыбкой все договаривал... На прощание пригласил меня в лес, и мы семечками покормили с рук белок...»

Много отец Иоанн снимал нашу северную Фиваиду, где среди непроходимых лесов укрылись от человеческой суеты древние монастыри, деревушки, в которых люди живут так же счастливо, как жили тысячу лет назад. Старик и старуха, уже и летом не снимающие теплых валенок, сидят прямо на досках крыльца. Изработанные ноги вытянули. Одежда на них вечная — такую теперь не шьют, теперь шьют временную, чтоб скорее износилась...

Вот старый монах стоит внутри круга из только что расколотых поленьев. Брат Нил. Он был глуховат, но почему-то всегда запирался в келье. Отец

Иоанн предостерегал, мол, не закрывайся — а если пожар случится, наводнение, то до тебя не достучишься; а если тебе плохо станет — к тебе не попадешь. Но Нил почему-то все равно запирался. Однажды отец Иоанн стучался, стучался к нему — испугался, выбежал из корпуса, встал на завалинку и — в окно. А Нил сидит за столом, а на столе его кот Бублик. И смотрят друг на друга с любовью. Потом отец Иоанн добавит: «Так они сидели, чтобы глаза на одном уровне были». Да, равная любовь двух божьих тварей. Стало ясно, почему Нил закрывался — кто-нибудь из неразвитых сердцем мог попрекнуть: «Чего ты кота на стол пускаешь». Хотя, думаю, Нил просто не хотел никого искушать. Его едва ли бы кто попрекнул. Весь монастырь вечерами слушал, как брат Нил (как все глухие, не понимая, что такое тихо, что такое громко) басом тревожил всю округу: «Бублик, Бублик...» И никто не укорял его. Когда же Нил замолкал — все знали: Бублик вернулся из тьмы ночи домой.

Однажды я похвалился отцу Иоанну, мол, ты мне это рассказывал, и я помню, как Нил кричал, будя весь монастырь: «Бублик, Бублик». Он поправил: «Не Бублик, Бублик, а он варьировал, то Бублик, то Бублик». Да, он знает цену словам...

Несколько раз молился отец Иоанн в этом монастыре, а в последнее быванье, уже не застав брата Нила среди живущих на свете, пошел на кладбище. Там на скамейке сидел Бублик и неотрывно смотрел на холмик, где упокоилось тело его друга. Отец Иоанн погладил Бублика, «а он словно монумент». Обычно кошки отзываются на ласку всем телом. Очень они на нее отзывчивы. Да, монумент кота на могиле монаха Нила, любящего тварь божью! Какие подвиги духовные он совершил, знает один Бог, но Нил снабжал братию дровами. Послушание не из самых легких, тем более для старика, тем более на Севере, где зима почти семь месяцев в году... Так отец Иоанн и увековечил монаха Нила кадром: среди расколотых поленьев; а его друга Бублика — лежащим на бревнах, привезенных из лесу Нилом...

* * *

С неделю мы блаженствовали в палате втроем. Ночью проснусь, а отец Иоанн все раскладывает на кровати свои чудесные снимки — новую тему выстраивает. На душе станет тепло-тепло. Иногда не выдержу, встану — и он обрадованно рассказывает, что составляет тему о новомученике Жене Родионове, отдавшем жизнь за Христа на Северном Кавказе. Восемнадцатилетний юноша отказался снимать крест, и ему отрубили голову. Мой друг строго смотрит на меня: «Я считаю его своим сыном». Ласково дотронувшись до его плеча, ложусь и, едва коснувшись подушки, засыпаю. Среди ночи проснусь, а маленькая милая фигурка все перекладывает фото-

графии на кровати... Глядя на нас, Мариша моя даже позавидовала: «Хорошо у вас — так бы и осталась...»

Но, конечно, было не только хорошо, было и больно. Однажды, потеряв сознание, я упал на пол. Отец Иоанн чудом Божьим втащил меня на кровать и молился, пока я не пришел в себя. Очень я боялся одной страшно болезненной процедуры и решил отказаться от нее, но мой собрат по блаженству даже возмутился: «Ты что? Ты — православный. Читай непрестанно генеральную, и все будет слава Богу».

Генеральной он называет молитву перед началом всякого дела, которую я выучил прежде всех молитв — очень хотел, чтобы Бог помогал мне в творчестве. Но, я не знал, что она такая всесторонняя: «Господи Иисусе Христе, Сыне Единородный Безначального Твоего Отца, Ты рекл еси пречистыми усты Твоими: яко без Мене не можете творити ничесоже. Господи мой, Господи, верою объем в души моей и сердце Тобою реченная, припадаю Твоей благодати: помози ми грешному сие дело, мною начинаемо, о Тебе Самем совершити, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». Во время всей процедуры я непрестанно творил ее и вытерпел. Врач даже удивился: «Какой вы крепкий — некоторые стонут, даже плачут, просят прекратить; ну, уж кряхтят-то почти все без исключения». А я ему: «Доктор, это не я крепкий, это молитва такая сильная...»

Однажды привезли к нам на каталке четвертого. У него гемоглобин — всего 50 единиц. В любую минуту может самое страшное случиться. Но он, видимо, не понимая этого, а скорее, как все старики, привыкнув к своей болезни, как ни в чем не бывало читал популярного писателя Захара Прилепина. Когда же мы с отцом Иоанном начали молиться, поглядел на нас не то что с досадой, но с недоумением. Однако промолчал, не сказал, мол, вы мне мешаете. Ночью я проснулся оттого, что он страшно стонет, ухлебывается дыханием. Я нажал кнопку срочного вызова, разбудил отца Иоанна, и принялись мы молиться возле умирающего. Отец Иоанн приложил к его губам свой мошевик, внушил: «Проси Господа, проси: Господи, помилуй». Страждущий попросил один раз. Наверное, впервые в жизни. Наконец Родион, так звали нашего соседа, успокоился, притих. Когда прибежал из другого корпуса дежурный врач, кризис прошел.

Утром Родион рассказал, что ничего ночного не помнит, зато на всю жизнь врезалось, что на него катился огненный шар и ему было так больно, уж так его жгло, что дышать было невозможно. Но вдруг на пути шара встали две фигуры, и он откатился и исчез: «Утром я увидел, как вы молитесь, и узнал вас. Две фигуры — это были вы». И потом он поведал дочери и внукам, что мы его спастели, и, спрятав в тумбочку Захара Прилепина, попросил у нас Евангелие и взялся читать мою книгу «Иринарховский

крестный ход». При нашей молитве он теперь сразу снимал очки, устраивал повыше подушку и слушал. В общем, тоже стал нашим собратом по блаженству. Думаю, если бы он накануне сказал, что мы ему мешаем читать, то огненный шар, может быть, сжег бы его — Господь прорек: «За каждое слово придется ответ держать...»

А вот пятый сосед, парализованный Женька, не вытерпел. Уже на второй день своего пребывания в палате попросил нас молиться в другом месте, и пришлось нам мерзнуть возле лифта. Днем ворчал, что мы своими разговорами мешаем ему спать; вечером сердился, что долго не гасим свет, и отец Иоанн перестал ночью раскладывать свои фототемы.

Жена Женьки, замечательная терпеливая русская женщина (поухаживай-ка много лет за таким вредным больным), каждый день подолгу бывала у мужа. Когда же я уходил из больницы, она, столкнувшись со мной в дверях, неожиданно заплакала: «...Как жаль, что вы выписались — вы так на Женю хорошо влияли. Вы, наверное, думаете, он капризный. Вы себе представить не можете, каким он до вас был». С такой болью она на меня поглядела. Я понял: ей так хотелось, чтобы Женька стал нашим братом по блаженству, а он, к ее великому горю, не стал...

Но и собрат по блаженству Родион, поднявшись на ноги после переливания крови, начал с нами спорить. Он очень начитанный. Потому, поверив в Бога, в чудесах все же сомневается. Почему-то мы не стали напоминать ему о чуде, которое его спасло... Однако на прощанье Родион крепко обнял меня, на глазах выступили слезы: «Душа моя...»

* * *

После выписки отца Иоанна я в тот же день понял, что и мне пора. Кровотечение остановили, гемоглобин повысили, а операцию надо делать где-то в другом месте. И, главное, крылья мои окрепли. Тем более Промыслом Божиим мой дорогой брат по блаженству живет в семи минутах ходьбы от нашей московской квартиры, и мне не терпелось навестить его. Домофона в квартире нет, но живет он, к счастью, на первом этаже и все гости стучат в окно. Но только я, с его разрешения, еще негромко кричу: «Джан, джан...» Да, кроме меня, его теперь никто так не называет. Он живо откликается: «Я это, я».

В квартире у него полнейший завал. Все столы, стулья, полки, подоконники погребены под бумагами, книгами, фотографиями. Гостю даже сесть негде. Разве что на краешке кровати. Понятно, что в этом бумажном потоке только сам хозяин сумеет навести порядок, а он едва ли когда этим займется — ни сил, ни времени у него уже нет. Кажется, в этом потоке все похоронено навечно, но, как ни странно, когда надо, все нужное отцу Иоанну всплывает из этой глубины... Он все время что-то теряет, и я ему

объясняю: «У тебя теперь такая пора жизни, когда ищут то, что близко лежит». Памяти у него сегодняшней почти нет: забыл Сергея Ивановича, с которым две недели лежал в больнице на соседних койках. Потому я, боясь, как бы он и меня не забыл, часто звоню ему и сначала непременно говорю одно и то же: «Отец Иоанн-джан?» Он охотно откликается: «Вин самый, вин самый». Если уж очень плохо себя чувствует, то добавляет: «Почти джан». Я представляюсь: «А это брат по блаженству Сергей». Иногда он ворчит: «Зачем ты это говоришь, я и без тебя знаю». Тогда я прямо объясняю, что это наш пароль для его плохой памяти, чтобы меня не забыл, как Сергея Ивановича. Отец Иоанн не обижается.

Первым делом укладываю его на кровать — натереть спину долгит-кремом. Ложась, он ойцкает. Вместо стона «ой» произносит смешное «ойц». Это из анекдота. Пьяный лежал на земле и все повторял «ойц, ойц...» Сердобольные прохожие вызвали «скорую помощь». Когда страдальца уложили в машину, он вдруг как запоет: «Ой цветет калина...». Ему, оказывается, очень хорошо было — запеть он хотел. И теперь отец Иоанн не ойкает, а ойцкает. Скрывает за этим «ойц» свою старческую немощь. Не хочется ему слабым выглядеть, а не стонать не может. Вместо жалости все невольно улыбаются при его «ойц». И еще он, как тот пьяный, в подтексте говорит, мол, вы думаете, мне плохо жить, а мне так хорошо, что петь хочется... Петь отец Иоанн любит. Я тоже попробовал «ойцкать», нет, не получается — сначала от боли все равно ойкаю, а потом уже «ц» добавляю. Чтобы ойцкать, надо быть отцом Иоанном...

Он вообще большой шутник. Я жалуюсь по телефону, что голова не варит, а милый мой Джан: «А ты крупы подсыпь». Смеемся вместе. Кладу трубку, и голова моя начинает варить — отец Иоанн крупы подсыпал...

Перед тем как натереть ему спину, молюсь: «Святый великомучениче Пантелеимоне, моли Бога о иеродиаконе Иоанне». Он вдруг поднимает голову: «Ты что только обо мне молишься? А остальные?» С тех пор я во всех персональных молитвах добавляю: «...и всех православных... и всех русских...» И даже когда молюсь о некрещеной дочери: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, приведи к Себе неразумную Ольгу», теперь заканчиваю: «...и всех неразумных...»

Отец Иоанн задремывает после массажа, а я привычно оглядываю комнату. Все стены в иконах. Они не старинные дорогие, а нынешние — простенькие, некоторые вообще он перефотографировал с оригиналов. Но благодать от них удивительная. В квартире много лет не убирают — это просто невозможно из-за завалов бумаги, — но запаха затхлости нет. И сам отец Иоанн по многу месяцев носит одну одежду и, думаю, моется редко — ванна у него чашечка заставлена банками, бутылками...